

РОЛЬ НКВД СССР В ОФОРМЛЕНИИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ
МОДЕЛИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

ИВАНОВА Г. М.

USSR PEOPLE'S COMMISSARIAT
FOR INTERNAL AFFAIRS ROLE
IN SOVIET ECONOMY
MOBILIZATION MODEL

IVANOVA G. M.

The article for the first time studies USSR People's Commissariat for Internal Affairs role in Soviet economy mobilization model formation and functioning over late 1920s to 1950s period.

В статье впервые исследуется роль НКВД СССР в оформлении и функционировании мобилизационной модели советской экономики в период с конца 1920-х до начала 1950-х гг.

Keywords: Soviet economy, USSR National economy, mobilization model, USSR People's Commissariat for Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs, Gulag, forced labour, camp economy, specially displaced people.

Ключевые слова: советская экономика, народное хозяйство СССР, мобилизационная модель, НКВД–МВД СССР, ГУЛАГ, принудительный труд, лагерная экономика, спецпереселенцы.

УДК 93

Механизмы мобилизационной экономики советского времени позволяли руководству страны максимально использовать имеющиеся материальные, людские и духовные ресурсы для достижения определенных целей, выходящих, как правило, за пределы экономической сферы.

Наиболее масштабные и драматические мероприятия по мобилизации человеческих и материальных ресурсов в мирное время связаны с репрессивно-хозяйственной деятельностью Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД–МВД СССР), под эгидой которого к середине 1930-х годов сформировался советский лагерно-промышленный комплекс.

Концлагеря как пионеры заселения новых районов

С начала 1930-х годов труд заключенных и спецпоселенцев стал одним из структурных элементов мобилизационной модели советской экономики. 11 июля 1929 г. на основе решений Политбюро ЦК ВКП(б) Совнарком СССР принял специальное постановление, не подлежавшее опубликованию, об использовании труда заключенных. Правительство поручало ОГПУ расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других труднодоступных районах Советского Союза «в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» [1]. По мнению руководства ОГПУ, «новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин» [2]. Нарком юстиции РСФСР Н.М. Янсон считал, что «с точки зрения хозяйственной, лагеря должны стать пионерами заселения новых районов путем применения дешевого труда заключенных. Поэтому вопросы технического оборудования – второстепенны; задача лагерей – прочистить путь к малонаселенным районам пу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00348а.

тем устройства дорог, изучения местностей, приступа к эксплуатации природных богатств. Если эти места окажутся в смысле эксплуатации интересными, они будут переданы органам промышленности, а лагеря надо будет передвигать на новые места с теми же целями пионерства» [3].

В 1929–1931 гг. на территории СССР сформировалась сеть концентрационных лагерей, официально переименованных к тому времени в исправительно-трудовые, многие из которых уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую направленность – лесозаготовительные, сельскохозяйственные, нефте- и угледобывающие, горно-металлургические, строительные и т.д. [4] К началу 1932 г. ГУЛАГ ОГПУ объединял 15 лагерных комплексов, официально именуемых управлениями ИТЛ. В их числе наиболее известными были Соловецкое, Беломорско-Балтийское, Ухто-Печорское, Свирское, Темниковское, Вишерское, Кунгурское, Среднеазиатское, Сибирское, Дальневосточное и другие лагерные управления.

География лагерно-производственных комплексов непрерывно расширялась. 11 ноября 1931 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о Колыме, в котором говорилось: «Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). <...> Установить ориентировочно следующую программу добычи золота: к концу 1931 г. – 2 тонны; 1932 г. – 10 тонн и в 1933 г. – 25 тонн» [5]. Наблюдение и контроль над деятельностью треста возлагались на заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоду. Директором нового треста, получившего сокращенное название «Дальстрой», был назначен чекист Э.П. Берзин, до этого возглавлявший Вишерский лагерь.

Говоря о развитии лагерной экономики, следует отметить, что, несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом принудительной трудовой мобилизации в самом начале 1930-х годов были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека [6]. Число заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ, со-

ставляло на 1 января 1932 г., по официальным данным, 268700 человек [7].

Принудительный труд спецпоселенцев активно использовался в лагерной экономике на протяжении всех лет существования ГУЛАГа. Что касается условий труда и его оплаты, то формально ссыльные различных категорий имели равные права с вольнонаемными работниками. Однако в реальной жизни «хозяйственное использование» спецпереселенцев, лишенных права передвижения и свободного выбора местожительства, приобретало характер откровенной эксплуатации.

Правовое положение всех ссыльных граждан было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли «мобилизовать», то есть насильно переселить из одного района в другой, при этом никого не интересовало, что людям приходилось бросать с трудом нажитое имущество, дом, подсобные строения. Мало кто из советских руководителей заботился и о создании нормальных жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев, хотя на этот счет существовали специальные инструкции ОГПУ и приказы НКВД. Труд спецпереселенцев использовался в разных отраслях народного хозяйства, но чаще всего там, где были тяжелые, низкоквалифицированные и малооплачиваемые работы. Широкое применение хотя и мобильного, но несвободного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на совершенствовании техники и технологий производства.

В целом, в лагерной экономике доля труда спецпоселенцев была значительной, но не определяющей. Основу гулаговского хозяйства составляли лагеря с их огромным резервуаром мобильной и практически бесплатной рабочей силы. За годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерных комплексов и колоний, которые органично вписались в мобилизационную систему советской экономики. Бесплатность принудительного труда, создававшая иллюзию его дешевизны, была очень привлекательна для директивной экономики, обладавшей высокими мобилизационными способностями, но отнюдь не материальными стимулами.

Первенцем лагерной экономики по праву считается Беломорско-Балтийский канал, строительство которого велось си-

лами заключенных двух лагерей ОГПУ – УСЛАГа и Белбалтлага с 1931 по 1933 гг. Мы не будем подробно останавливаться на истории строительства, т.к. она достаточно полно освещена в литературе [8], отметим лишь некоторые особенности, характерные для экономической системы ГУЛАГа в целом.

Эта лагерная стройка, как и все последующие, началась без технического проекта, когда еще не были завершены топографические и геологические работы, развернулась в осенний период в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта, ну и, естественно, всего остального, в том числе и достаточного количества продовольствия. В ходе строительства власти делали попытки улучшить материальное снабжение отдельных групп заключенных, особенно на завершающем этапе работ, чтобы стимулировать производительность, но все равно условия труда оставались крайне тяжелыми, что приводило к массовой гибели людей от болезней и истощения. Документы свидетельствуют, что многие лагерники умерли, проработав на канале всего два-три месяца [9]. Подобная «организация производства» стала в лагерной экономике традицией, не меняясь в течение десятилетий.

Отличительной особенностью первой крупномасштабной лагерной стройки была ее реальная финансовая дешевизна. В денежном измерении канал обошелся, по официальным данным, в 95,3 млн руб. вместо 400 млн рублей, предусмотренных эскизным планом. В основном такая экономия объяснялась двумя причинами: минимальными расходами на орудия труда и рабочую силу, а также небольшими затратами на содержание аппарата ОГПУ – на Беломорстрое работало всего 37 человек кадровых чекистов на 140 тыс. заключенных [10]. На постройке канала абсолютно все виды работ, начиная от составления технического плана и кончая охраной заключенных, выполнялись самими заключенными.

Гидротехнические сооружения составляли особую привилегию лагерной экономики. После Беломорско–Балтийского были канал Москва–Волга, Волго–Донской, Главный Туркменский, Самотечный канал Волга–Урал и другие. И все это строилось наполовину вручную, часто без особой хозяйственной надобности, без учета возможных потерь и негативных по-

следствий, ради демонстрации советского могущества, довольствуясь сиюминутным триумфом и сомнительной выгодой.

Формирование лагерно-промышленного комплекса

Лагерная экономика росла и крепла из года в год. Силами заключенных строились не только каналы, дороги и плотины, но и целые города – Норильск, Магадан, Братск, Джезказган, Салехард, Комсомольск, Находка, Воркута и десятки других, многие из которых так и не появились на картах, оставаясь засекреченными городами-призраками.

Во второй половине 1930-х годов происходит всестороннее засекречивание деятельности ГУЛАГа. Страна покрывается сетью «почтовых ящиков», «спецобъектов», «подразделений», «хозяйств», «леспромхозов», и нигде ни звука о лагерях и их обитателях. В практику работы лагерно-производственных комплексов широко входят так называемые «подписки о неразглашении». Так, например, в 1936 г. вольнонаемные сотрудники Мосволгостроя при поступлении на работу давали подписку следующего содержания: «Даю настоящую подписку управлению строительства Москва–Волгострой в том, что нигде, никому и ни при каких обстоятельствах не буду сообщать какие бы то ни было сведения, касающиеся жизни, работ, порядков и размещения лагерей НКВД, а также и в том, что не буду вступать с заключенными ни в какие частные, личные отношения и не буду выполнять никаких их частных поручений. Мне объявлено, что за нарушение этой подписки я подлежу ответственности в уголовном порядке, как за оглашение секретных сведений. Родственников и знакомых, содержащихся в Дмитлаге НКВД СССР как заключенных, я не имею (если имеет, то указать, кого именно)» [11]. На подписке ставились число, подпись, указывались место работы и должность поступающего на работу сотрудника. Подписка имела гриф «совершенно секретно».

Расширение сферы экономической деятельности НКВД СССР в значительной мере было связано с тем, что в ведение НКВД переходили стройки и предприятия, подчинявшиеся ранее другим, преимущественно гражданским, ведомствам. Наряду с такими гигантами, как Дальстрой, в ведение НКВД в 1938–1940 гг. были переданы многие относительно небольшие хозяйственные объекты. Так, например, строи-

тельство Соликамского сульфит-целлюлозного завода («Соликамбумстрой») с 1936 по 1938 гг. вел гражданский наркомат Наркомлес СССР. Постановлением СНК СССР от 17 мая 1938 г. дальнейшее строительство комбината было поручено НКВД. На этом промышленном объекте работали 8 434 человека, из них вольнонаемных было 1121 человек, заключенных – 7313 человек.

Строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината с 1935 по 1938 гг. также вел Наркомлес СССР, в июне 1938 г. выполнение строительных работ было поручено НКВД. Здесь из 8 тыс. работающих было 1184 человека вольнонаемных и 6816 человек заключенных.

Важнейшая засекреченная стройка оборонного значения – Архангельский судостроительный завод (Стройка № 203) – трижды меняла своих хозяев. Строительство, начатое летом 1936 г. по решению ЦК ВКП(б) и постановлению СТО, до сентября 1937 г. вел Наркомат тяжелой промышленности, затем работы продолжил Наркомат оборонной промышленности, а с середины 1938 г. строительство этого военно-промышленного объекта было поручено Наркомату внутренних дел СССР. На строительстве завода, полная сметная стоимость которого составляла 1 591 млн руб., работали 42 964 человека, из них 9720 человек – вольнонаемные и 33244 человека – заключенные [12].

Из Наркомата цветной металлургии в ведение НКВД в 1940 г. было передано строительство и эксплуатация горно-металлургического комбината «Североникель», расположенного на Кольском полуострове. Одновременно с комбинатом там же строился город на 30 тыс. жителей. В работах по строительству и эксплуатации были заняты 13654 вольнонаемных сотрудников, число заключенных строителей составляло 21111 человек.

С 1938 г. крупнейшее Джезказганское месторождение меди в Карагандинской области, где выявленные запасы меди составляли 24 % всех запасов СССР, осваивал Наркомат цветной металлургии. Однако в начале 1940 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР этим месторождением занялся НКВД СССР, приступивший к строительству Джезказганского медеплавильного комбината, ориентировочная стоимость которого оценивалась в 680 млн руб. Строительство на начальном

этапе осуществляли 1858 вольнонаемных работников и 10 869 заключенных [13].

Мы привели лишь несколько примеров из сложившейся практики, показывающих один из путей формирования лагерно-промышленного комплекса, ставшего значительной частью мобилизационной системы советской экономики. Следует обратить внимание на то, что на всех объектах НКВД, наряду с осужденными, работали также и вольнонаемные граждане, однако их, как правило, было в 4–5 раз меньше, чем заключенных. На некоторых объектах, как, например, на строительстве Сегежского целлюлозно-бумажного и лесохимического комбината («Сегежстрой»), практически все работы выполнялись заключенными, их было в 9 раз больше, чем вольнонаемных сотрудников (заключенных 7358 человек и вольнонаемных 813) [14].

Валовой объем промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГом, увеличивался довольно быстрыми темпами: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд руб., в 1939 – на 2,5 млрд руб., в 1940 – на 3,7 млрд руб., план 1941 г. составил 4,7 млрд руб. При этом доля так называемого «ширпотреба» в общем объеме промышленной продукции ГУЛАГа была относительно невелика и составляла в планах на 1941 г. 1,1 млрд руб. [15]

Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общем объеме народного хозяйства страны составлял: никеля – 46,5 %, олова – 76 %, кобальта – 40 %, хромитовой руды – 40,5 %, золота – 60 %, лесоматериалов – 25,3 %. Объем лагерного производства цветных металлов составлял 40 % от объема продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета. В 1940 г. в систему НКВД СССР наряду с «Североникелем» был передан и ряд других металлургических предприятий [16]. Это позволяло максимально мобилизовать ресурсы, в первую очередь, трудовые ресурсы, для решения важнейших задач военно-промышленного характера.

К числу наиболее острых проблем советской экономики относилась проблема развития топливной базы. По решению партии и правительства в конце 1930-х годов началось интенсивное освоение Ухто-Печорского бассейна, где силами заключенных велась добыча угля, нефти, газа и других энергоресурсов. В 1938 г. огромный

лагерный комплекс Ухтпечлаг (на 1 января 1938 г. в нем содержалось 54792 заключенных), расположенный в районе Полярного круга на обширной территории европейской части Северо-востока России, был разделен на четыре самостоятельных лагеря: Ухто-Ижемский, Воркутинский, Северный железнодорожный и Устьвымский. Партийное руководство страны возлагало большие надежды на этот район и вкладывало в его развитие значительные средства. Предполагалось, что созданный здесь Ухтинский комбинат НКВД СССР, кроме всего прочего, станет основным поставщиком топлива для Северного морского флота. Попутно можно заметить, что с целью «быстрейшего развития производительных сил в Северо-Восточной части СССР» СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением от 9 мая 1940 г. разрешили НКВД СССР «направлять в исправительно-трудовые лагеря и строительства НКВД из тюрем и колоний заключенных независимо от срока их осуждения» [17].

В состав Ухтинского комбината НКВД входило также предприятие по производству радия – единственное в Советском Союзе. В 1939 г. здесь было добыто 13,8 грамм радиоактивного продукта, война помешала выполнению намеченного плана (18 гр.), тем не менее в 1944 г. добыча радия составила 16,75 грамма [18].

Сфера экономической деятельности НКВД–МВД СССР

Наряду с промышленным производством, важнейшим элементом лагерной экономики было капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД СССР приходилось 11 % всех капитальных вложений Советского Союза. В 1941 г. наркомат осуществлял строительство ряда крупных военно-промышленных объектов, общая стоимость которых ориентировочно оценивалась в 45 млрд руб. Из этой суммы на долю НКВД приходилось более 11 млрд руб., в том числе 3,6 млрд руб. – капитальные работы по строительству так называемых спецобъектов.

В 1938 г. в рекордно короткие сроки – за восемь месяцев – ГУЛАГ построил пять целлюлозно-бумажных заводов, имевших большое военное и промышленное значение, в их числе крупнейшие Сегежский, Соликамский и Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты. За выполнение в срок партийно-правительственного задания начальник Целлюлозно-бумажного отдела ГУЛАГа Г.М. Орлов, ставший впо-

следствии министром лесной промышленности, получил свой первый орден Ленина.

Для использования отходов целлюлозно-бумажных предприятий и расширения ассортимента выпускаемой продукции НКВД приступил на основании партийно-правительственного постановления от 9 июля 1939 г. к строительству трех предприятий по выпуску этилового спирта: Архангельскому и Соликамскому сульфитно-спиртовым заводам и Сегежскому гидролизному заводу. Но поскольку эти предприятия не удовлетворяли потребности страны в этиловом спирте, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлением от 25 октября 1940 г. поручили НКВД построить силами заключенных и сдать в 1942 г. в эксплуатацию Главлесоспирту еще 11 аналогичных заводов, ориентировочной стоимостью 260 млн руб. [19]

Однако война внесла коррективы в намеченные планы. Согласно приказу НКВД СССР от 28 июня 1941 г. «О прекращении работ по строительству НКВД в связи с началом войны» с 1 июля 1941 г. приостанавливались работы по строительству 41 предприятия. В переченьстроек, подлежащих консервации, попали 5 сульфитно-спиртовых и гидролизных заводов, расположенных преимущественно на территории Карело-Финской ССР, зато другие 6 заводов были объявлены специальным приказом НКВД СССР от 11 июля 1941 г. «ударными сверхлимитными стройками на 1941 г.» [20].

В список «ударных сверхлимитныхстроек НКВД» попал в 1941 г. и Норильскстрой. Один из важнейших объектов лагерной экономики – Норильский никелевый комбинат – строился с большими трудностями. «Для успешного освоения Норильского никелевого и угольного месторождения и строительства комбината проектной мощностью 10 000 т никеля в год с пуском его в 1938 г.» СНК СССР 23 июня 1935 г. постановил: «Строительство Норильского никелевого комбината признать ударным и возложить его на Главное управление лагерями Наркомвнудела, обязав его организовать для этой цели специальный лагерь. <...> Обязать НКВД СССР открыть эксплуатационные работы Норильского месторождения с 1.1.1936 г.» [21].

Несмотря на высокие мобилизационные способности экономической системы ГУЛАГа, план строительства Норильского

никелевого комбината систематически не выполнялся, потери только от некавалифицированных проектов составили в 1939 г. более 4 миллионов рублей. Прибывший на строительство в апреле 1938 г. новый директор комбината А.П. Завенягин сообщал в Москву о причинах хронического отставания: «Крайняя неорганизованность стройки – нет главного строителя и элементарного аппарата. Никто не занимается организацией производства, нормами и зарплатой, проектом. Не организованы работы на объектах. Этим объясняется безобразно низкая производительность труда» [22].

«Номерное» строительство в системе ГУЛАГа осуществлял Главпромстрой (бывший Промспецстрой). Его капиталовложения составляли в 1941 г. 3,5 % от общего объема капитальных затрат по Союзу, при этом вся сумма вложений приходилась на строительство сутобо военно-промышленных предприятий. В 1940 г. начались работы по сооружению трех авиационных заводов в районе Куйбышева. За год в это строительство вложили 850 млн рублей, чего никогда не бывало ранее, т.к. в былые годы более 400 млн руб. никуда не вкладывали. Приказом НКВД СССР от 28 августа 1940 г. на территории Куйбышевской области было создано хозяйственное подразделение наркомата – Особстрой НКВД СССР. Специально для обеспечения строительных площадок и подсобных предприятий рабочей силой в структуре Особстроя с осени 1940 г. начал формироваться крупный лагерный комплекс – Безымянлаг. Численность заключенных в лагере быстро росла, к середине 1941 г. она составляла уже 92625 человек. Силами заключенных и трудмобилизованных строительство авиационного комплекса в Куйбышевской области было закончено в конце 1941 г. [23].

Большие объемы работ приходились на долю железнодорожного и шоссейного строительства. В 1940 г. лагерные управления сдали в постоянную и временную эксплуатацию 1731 км железнодорожных путей и 1480 км шоссейных дорог. План железнодорожного строительства на 1941 г. был почти на 100 % выше плана 1940 г.

В предвоенный период в СССР сформировался ряд лагерно-производственных комплексов, на откуп которым были отданы огромные территории малоосвоенных районов. На Колыме и Чукотке хозяйни-

чал Дальстрой, на Печоре и Ухте – Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии – Беломорско-Балтийский комбинат НКВД и т.д.

В постановлении СНК СССР от 17 августа 1933 г. об образовании ББК говорилось: «Белбалткомбинату предоставляется монопольное право эксплуатации канала и естественных богатств прилегающих к нему районов», далее следовал обширный перечень задач и полномочий комбината. В ведение ББК передавались все находившиеся на территории районов освоения предприятия, все операции комбината до 1 января 1936 г. освобождались от каких бы то ни было налогов и сборов. В постановлении строго оговаривалось, что «никакие учреждения и лица без особого разрешения СНК СССР не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность комбината» [24]. Здесь нелишне заметить, что Беломорско-Балтийский комбинат НКВД осуществлял свою деятельность на территории автономной республики, которая имела свой Совнарком и свои областные партийные органы.

Как свидетельствуют документы, ББК представлял собой настоящее «государство в государстве», которое располагало обширной территорией с неограниченными ресурсами рабочей силы, воинскими подразделениями, промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, школами, театром и т.д. Возглавлял это «государство» в предвоенный период старший майор госбезопасности М.М. Тимофеев, будущий начальник Главного управления лагерей лесной промышленности.

Основой существования комбината был Беломоро-Балтийский ИТЛ ОГПУ–НКВД, образованный в 1931 г. на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ. На 1 января 1939 г. в Белбалтлаге содержалось 86 567 заключенных, из них 32 % были осуждены за контрреволюционные преступления, а еще 24 % попали в лагерь по решению внесудебных органов как «социально-опасный элемент». Кроме заключенных, в составе лагеря числились 27 856 человек (8505 семей) спецпоселенцев, выселенных сюда в период раскулачивания, которые размещались в 21 населенном пункте [25]. Это и был тот самый «рабочий фонд», благодаря которому ББК участвовал в достижениях социалистического строительства. Успехи лагерной экономики в этом регионе были значительными. Заключенные построили не только известные Беломор-

ско-Балтийский канал и Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, но и железнодорожную линию Сорокская–Обозерская, Пиндушскую судоверфь, Сорокский порт, Повенецкий судоремонтный завод и многое другое.

ГУЛАГ в годы войны

На 1 января 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР содержалось 1876834 заключенных, из них 555589 человек (29,6 %) отбывали наказание за так называемые контрреволюционные преступления, 1321245 человек (70,4 %) находились в местах лишения свободы за совершение уголовных, должностных, воинских, административных и других правонарушений. Среди общего числа заключенных ГУЛАГа насчитывалось 1701467 мужчин (90,7 %) и 175367 женщин (9,3 %) [26]. В тюрьмах НКВД СССР на 1 января 1941 г. содержалось 470 693 человека [27]. К началу Великой Отечественной войны численность заключенных в лагерях и колониях составляла, по официальным данным, 2,35 млн человек.

Несмотря на тяжелейшее, если не сказать катастрофическое, положение с питанием, обмундированием, медицинской помощью и т.д., ГУЛАГ с первых же дней войны организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецкупорки, обмундирования и другой военной продукции. 18 февраля 1942 г. в ГУЛАГе был создан специальный отдел военной продукции, на который приказом наркома Л.П. Берия возлагалась организационное и оперативно-техническое руководство всеми предприятиями НКВД, вырабатывающими боеприпасы и спецкупорку. К концу войны ГУЛАГ занимал 2-е место в Союзе по выпуску осколочно-фугасных мин и спецкупорки для боеприпасов.

Кроме выпуска военной продукции, на ГУЛАГ возлагалась задача обеспечения рабочей силой важнейших строек НКВД: строительства авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске, в Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината, Богословского алюминиевого завода, нефтепергонного завода в Куйбышеве и многих других.

Среди заключенных начали активно выявлять специалистов и квалифицированных рабочих с тем, чтобы отправить их на работу в оборонную промышленность. Всего руководством ГУЛАГа было выявлено и направлено строительству НКВД 40 тыс. специалистов и квалифицированных рабочих из числа заключенных: инженеров, техников, металлистов, железнодорожников, угольщиков и т.д. В годы войны ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой 640 предприятий других наркоматов, в то время как до войны заключенные выделялись только 350 предприятиям.

Для обслуживания наиболее важных оборонных предприятий ГУЛАГ организовал 380 специальных исправительно-трудовых колоний, в которых в условиях соответствующего режима и охраны содержались 225 тыс. заключенных. Из этого числа 39 тыс. человек работали в промышленности боеприпасов и вооружения, 40 тыс. – на предприятиях черной и цветной металлургии, 20 тыс. – в авиационной и танковой промышленности, 15 тыс. в угольной и нефтяной промышленности и т.д. Заключенные, работавшие на военных заводах, участвовали в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения [28].

Мобилизационный характер лагерной экономики особенно проявился в годы войны, когда все было подчинено одной цели – достижению победы над противником. Значительный вклад в победу советского народа в годы Великой Отечественной войны внес Дальстрой (Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР). Этот гигант лагерной экономики вошел в состав НКВД в 1938 г. Уже в тот период в Восточной Сибири не было организации, которая не числилась бы в должниках Дальстроя. В последующие годы лагерное хозяйство разрослось еще больше, фактически был создан новый лагерно-промышленный комплекс крупного значения, занимавший территорию около трех миллионов кв. км. Кроме рассыпного золота здесь добывали в большом количестве олово, вольфрам, кобальт и другие стратегические металлы. Дальстрой, трудовые ресурсы которого состояли в основном из заключенных, несмотря на резкое сокращение капиталовложений в деятельность этой организации, добыл в 1941–1945 гг. более 360 тонн химически чистого золота. Некоторое улучшение механизации горных работ

произошло лишь в 1944–1945 гг., когда по ленд-лизу Колыма получила большое количество экскаваторов, бульдозеров и т.д. Тем не менее около трети колымского военного золота (106,5 тонн) было добыто исключительно ручным способом.

За годы войны Дальстрой добыл также 19 320 тонн оловянного концентрата. Особое значение для достижения столь значительного результата имели 13 новых обогатительных фабрик, построенных в военное время.

В 1941–1944 гг. началась добыча наиболее важного (после золота и олова) металла Колымы – вольфрама. Общий объем добычи за эти годы составил 280 тонн трехоксида вольфрама. В это же время в соответствии с заданиями правительства на Колыме и Чукотке начались активные геологоразведочные работы по поиску месторождений урана. За значительный вклад в оборону страны Дальстрой 14 февраля 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени [29].

Кроме заключенных, в хозяйственной деятельности НКВД СССР были заняты также спецпоселенцы, трудмобилизованные, военные строители и вольнонаемные граждане. В конце 1944 г. в структурных подразделениях НКВД насчитывалось 37 тыс. вольнонаемных специалистов с высшим и средним специальным образованием. В основном это были инженеры и техники различных отраслей промышленности и транспорта, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, юристы, экономисты, работники просвещения. В годы войны условия работы вольнонаемных работников лагерно-производственных подразделений НКВД зачастую приближались к условиям труда заключенных, в целях экономии средств многие из них были лишены северных надбавок и прочих льгот.

Специфика и ключевые характеристики лагерной экономики

Лагерная экономика как целостный хозяйственный организм могла существовать только в условиях административно-распределительной системы, когда правительственные постановления и партийные директивы заменяли естественные хозяйственные связи, а общие закономерности развития факторов производства игнорировались. Каждое постановление правительства, касающееся экономической деятельности НКВД (МВД), содержало в себе ряд пунктов, начинающихся словом «обя-

зать». Различные наркоматы (министерства) и ведомства наделялись обязанностью оснащать очередную стройку органов внутренних дел материалами, техникой, жилплощадью для сотрудников, транспортом для заключенных и т.д. и т.п. Перечень организаций, обязанных работать на НКВД (МВД), выглядел тем обширнее, чем крупнее и значительнее был лагерно-производственный объект. По Дальстрою, например, постановления правительства содержали десятки подобных пунктов. Казалось, что вся страна обязывалась оказывать помощь северо-восточным лагерям, снабжать их сотрудников не только материалами и техникой, но и литературным питанием.

В правительственном постановлении по организации одного из опытных военных заводов указывалось, кто и чем должен оснастить это предприятие, отнесенное к заводам 1-й категории. В перечне предусматривалось абсолютно все, начиная от готовален и кончая собственным самолетом Ли-2. Задача самого НКВД (МВД) сводилась, как правило, к одному: «обеспечить объект рабочей силой из числа спецконтингента в количестве...».

Мобилизацией трудовой энергии заключенных, спецпоселенцев, а также вольнонаемных сотрудников ГУЛАГа активно занимались политотделы, созданные в структуре Главного управления лагерей НКВД СССР во второй половине 1930-х годов. 26 сентября 1937 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором предписывал «в целях усиления руководства парторганизациями лагерей НКВД, управлений строительства и улучшения политической работы среди начальствующего и рядового состава лагерей, военизированной охраны и вольнонаемных работников строительства организовать в составе Главного управления лагерей НКВД СССР политический отдел, возложив на него руководство партийными организациями лагерей НКВД и строительства» [30]. В начале 1940 г. политический контроль над работой управлений и отделов Наркомата внутренних дел СССР осуществляли 11 политотделов, в которых насчитывалось 370 штатных сотрудников [31].

Принуждение заключенных к труду, основанное преимущественно на силовых методах, далеко не всегда обеспечивало своевременного выполнения производственных заданий, особенно в отраслях, где

использовался тяжелый физический труд. Требовались стимулы, способные вызвать заинтересованность заключенных в результатах своего труда. В послевоенный период Совет Министров СССР восстановил зачетную систему рабочих дней заключенных, занятых в особо важных отраслях народного хозяйства. Кроме того, в 1948 г. была введена частичная оплата труда заключенных. Это, безусловно, способствовало росту производительности труда и повышало рабочую активность заключенных.

Наряду с материальными стимулами – зачеты рабочих дней, улучшенное питание, денежные премии, поселение в хорошо оборудованном бараке и т.п. – администрация лагерей стала широко практиковать моральное поощрение заключенных: публичное объявление благодарности, награждение грамотами, красными вымпелами на бараках и т.п. На московских стройках в послевоенный период нередко можно было увидеть такие плакаты-«молнии»: «8 апреля звено Брызгалова выполнило задание на 665 %, заработало на каждого члена звена по 110 рублей. Бригада № 18 – бригадир Поджаров – выполнила дневное задание на 465 %. Привет мастерам высокой производительности труда, равняйтесь по передовикам!»; «Сегодня, 16 апреля, звено Новосадова выполнило дневную норму на 800 %. Заработало на каждого члена звена по 159 руб. 49 коп. Привет мастерам высокой производительности труда!» [32]. В «передовых» лагерях встречались заключенные, выполнившие в течение года двух-, четырех- и даже пятилетнюю производственную программу. Конечно, таких рекордистов среди миллионов заключенных было очень немного. Сотни тысяч гулаговцев, обессиленных и голодных, по-прежнему не выполняли даже заниженные нормы выработки. Однако кампания, проведенная политотделами в 1948 г. по активизации деятельности всех лагерных подразделений МВД, дала свои результаты: на 1948–1949 годы приходится пик роста производительности подневольного труда, заметно повышается рентабельность предприятий МВД, многие лагеря и стройки частично отказываются от запланированных государственных дотаций, наблюдается почти повсеместное выполнение годовых планов.

В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд рублей.

На его долю приходилось 100 % добычи платины, слюды, алмазов, более 90 % золота, свыше 70 % олова, 40 % меди, свыше 35 % сажи, 33 % никеля, 13 % леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10 % общего выпуска продукции в стране [33].

В послевоенные годы в системе МВД создается ряд главных управлений, имевших непосредственное отношение к развитию оборонного комплекса, таких, как Главное управление слюдяной промышленности (Главслюда), управление Главспецнефтестрой, Специальное главное управление (Главспеццветмет), ответственное за добычу золота, серебра, платины, а позднее и алмазов, и ряд других.

Алмазная промышленность перешла в ведение МВД в 1946 г. Тогда же Совет Министров СССР принял специальное постановление о трехлетнем плане развития алмазной промышленности. По свидетельству С.Н. Круглова, личное участие в разработке планового задания принимал И.В. Сталин, при этом его аргументы в пользу увеличения добычи ценного минерала звучали примерно так: «Наши враги, англо-американцы, сосредоточили алмазную промышленность в своих руках, а также захватили в свои руки богатые запасы алмазов в Южной Африке. Рассчитывать на покупку алмазов нельзя, нужно создавать свою алмазную промышленность» [34]. К началу 1950-х годов добыча алмазов в СССР по сравнению с 1946 г. увеличилась в 7 раз [35].

Заметное беспокойство у лагерного руководства вызывали отрасли промышленности, переданные в систему МВД в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Это были слюдяная, асбестовая и апатитовая промышленности. Руководство МВД расценивало данное событие как проявление высшего доверия со стороны партии и правительства. В своих выступлениях на партийных конференциях Круглов всячески подчеркивал важность порученных министерству объектов производства: «Слюда – важнейшее стратегическое сырье, за ним охотятся империалисты»; «от апатитовой промышленности зависит выполнение плана экспортных операций..., в апатитах особенно нуждаются страны народной демократии»; «асбест является важнейшим стратегическим минералом, без него не может развиваться оборонная промышленность, асбест – важнейшее сырье для продажи за границу» [36]. Использование

принудительного труда в наиболее вредных отраслях производства, к числу которых бесспорно относились слюдяная, апатитовая и асбестовая промышленности, позволяло государству избегать больших материальных затрат на охрану труда и социальное страхование рабочих. Сохранение «трудфонда» считалось ответственной, но далеко не главной задачей лагерных служащих. «Наши хозяйственные задачи являются военными задачами, необычными задачами и выполнить их обычными хозяйственными методами невозможно», – считал министр внутренних дел С.Н. Круглов [37].

Выступая на седьмой партийной конференции МВД СССР 31 марта 1950 г., Круглов отметил специфические особенности хозяйственной деятельности своего ведомства, которые не свойственны никакому другому министерству: «Во-первых, эти особенности заключаются в чрезвычайном разнообразии промышленного производства, которым нам приходится заниматься, используя труд заключенных в наших исправительно-трудовых лагерях и колониях... Нам приходится заниматься и топливной промышленностью, и цветными металлами, и строительством дорог, и металлообработкой, и добычей леса, и деревообработкой, и кожевенно-техническим производством, и обувной, швейной и трикотажной промышленностью, эксплуатацией шоссейных и железных дорог, а также иметь в своей системе крупное сельское хозяйство.

Вторая особенность нашей работы заключается в том, что мы эту разнообразную программу промышленного капитального строительства выполняем, главным образом, в особо отдаленных, мало освоенных районах Дальнего Севера и Дальнего Востока...

Третья особенность заключается в том, что рабочая сила, используемая Министерством внутренних дел, коренным образом отличается от рабочей силы, с которой имеют дело другие министерства.

В использовании рабочей силы мы обязаны сочетать интересы государственной безопасности, учитывать условия режима, изоляции заключенных с использованием их труда в интересах нашего государства» [38].

Особую остроту вопросы «трудового использования контингента» приобрели с начала 1950-х годов. Именно в этот период явно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ, хотя сметы по ГУЛАГу составляли уже несколько миллиардов рублей. Пытаясь ликвидировать растущий дефицит рабочей силы, МВД все чаще прибегает к труду вольнонаемных, основную массу которых составляли вчерашние заключенные. По просьбе МВД Совет Министров СССР вынес специальное постановление о закреплении на предприятиях и стройках МВД заключенных, отбывших свои сроки наказания, в качестве вольнонаемных кадров. Вполне естественно, что труд таких «вольнонаемных» был так же неэффективен, как и труд заключенных. Сложность ситуации вполне осознавали сами сотрудники МВД. С.Н. Круглов в одном из выступлений отмечал: «Мы должны понимать, что базировать ряд отраслей народного хозяйства, которые находятся в министерстве, только на заключенных нельзя... Когда у нас была валовая работа, земляные работы, тогда нужны были заключенные, а сейчас мы имеем дело с первоклассной техникой» [39].

В условиях начавшейся научно-технической революции лагерная экономика как структурный элемент мобилизационной модели советской экономики исчерпала свои возможности по активизации и принудительной концентрации внутренних сил и средств для достижения экономических, политических и военных целей и не могла обеспечить успешного выполнения задач, стоявших перед советским обществом.

Примечания:

1. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 64.
2. Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник. М., 1997. С. 182.
3. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4. С. 151.
4. Несмотря на официальное переименование в июне 1929 г., термин «концентрационный лагерь» употреблялся в официальных нормативных актах еще довольно продолжительное время. Например, закон от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» предусматривал в качестве на-

- казания «заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистии» (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 336). В официальной переписке советского руководства термин «концлагерь» встречается многократно вплоть до 1936 г. (См.: Сопроводительное письмо заместителя наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьева В.М. Молотову от 13 февраля 1936 г. //Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 282).
5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 72.
 6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) //Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 146.
 7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Пер. 16. Док. 1. Л. 7.
 8. См.: Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск. 1990; ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941. Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992 и др.
 9. См.: ГУЛАГ в Карелии... С. 58, 63.
 10. См.: ГУЛАГ в Карелии... С. 79.
 11. Цит. по: Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья пятая (Дмитлаг) //Свободная мысль – XXI . 2000. № 1. С. 108
 12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 10, 12, 15, 27, 31.
 13. Там же. Л. 37, 39, 44, 45.
 14. Там же. Л. 8.
 15. Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 121; Д. 355. Л. 53–54.
 16. Там же. Д. 268. Л. 124; Д. 355. Л. 53.
 17. Цит. по: Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2002. С. 282–283. Согласно нормам уголовного законодательства в лагерь должны были направляться лица, осужденные на срок свыше трех лет.
 18. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 111. Д. 92. Л. 242.
 19. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 20–21.
 20. См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей...С. 781–784.
 21. Там же. С. 96.
 22. Колпаков М. Одной судьбой с народом //Советская Россия. 1987. 25 окт. С. 4.
 23. Захарченко А.В., Репинецкий А.И. Строго секретно. Особстрой–Безымянлаг. 1940–1946 (из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области). Самара, 2008. С. 5–6.
 24. ГУЛАГ в Карелии... С. 89–90.
 25. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 162–164; . ГУЛАГ в Карелии... С. 163.
 26. ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3, 4.
 27. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 48, 539.
 28. См.: ГУЛАГ в годы войны //Исторический архив. 1994. № 3. С. 65.
 29. См.: Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009. С. 323.
 30. См.: Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые–пятидесятые годы. Домодедово, 1992. С. 26.
 31. ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 31, 32.
 32. Там же. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 93-а. Л. 195.
 33. Там же. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1302. Л. 17.
 34. Там же. Д. 1302. Л. 153.
 35. Там же. Д. 1472. Л. 40.
 36. Там же. Д. 1302. Л. 149. Д. 1472. Л. 126–129.
 37. Там же. Д. 1302. Л. 155.
 38. Там же. Д. 1302. Л. 146.
 39. Там же. Д. 1472. Л. 133.

Сведения об авторе:

Иванова Галина Михайловна,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН (Москва).
E-mail: ivgalina@mail.ru